

ИССЛЕДОВАНИЯ МОБИЛЬНОСТИ

ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВА ИССЛЕДОВАНИЙ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ ПОСЛЕ МОБИЛЬНОГО ПОВОРОТА

Егор Александрович Никишин
(enikishin@hse.ru)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Цитирование: Никишин Е.А. (2019) История и перспектива исследований социальной мобильности после мобильного поворота. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 22(2): 93–117. <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.2.4>

Аннотация. Критически рассматриваются классические и современные исследования социальной мобильности (СМ): анализируются основные методологические принципы работ в данной области и дается краткий обзор актуальных дискуссий вокруг ключевых публикаций. Критики традиционной программы СМ утверждают, что следование конвенциональным принципам анализа нерелевантно для работы в «новых условиях», связанных с масштабными глобальными изменениями как в социальной, так и в социологической среде: стирание национальных границ, как и границ между социальными классами и социальными статусами, распространение постколониальных и феминистских подходов. Поворот к индивидуализации в современных исследованиях СМ и внедрение биографического анализа позволяют сфокусироваться на субъективных аспектах изменения позиций в социальном пространстве, однако при этом такие подходы остаются описательными и ретроспективными. Особое внимание уделяется рассмотрению последствий «мобильного поворота» для исследований СМ с вычленением в данном контексте «слабой» и «сильной» программы для перспективных исследований, обладающих ресурсами для описания комплексной и противоречивой динамики современности на различных уровнях анализа. В качестве актуальной стратегии изучения рассматриваемого феномена в логике «сильной» программы поднимается вопрос об ином масштабировании пространственно-временных границ исследования, возможностях применения ключевых инструментов парадигмы мобильностей — концептов системы мобильности, мгновенного времени. В таком контексте рассматривается категория сетевого капитала, связанная с влиянием научных открытий, глобальных проблем и катастроф на динамику жизненных шансов общностей, находящихся в разных местах земного шара.

Ключевые слова: социальная мобильность, парадигма мобильностей, мобильные методы, большие данные, Дж. Урри.

Введение: можно ли говорить о кризисе в исследованиях социальной мобильности?

Социальная мобильность — один из «краеугольных» концептов классической социологии (Giddens, Sutton 2017). При этом едва ли можно утверждать, что сегодня исследования в этой области находятся «на фронтире» социальных наук. Современные направления социологии постепенно и по частям деконструировали рассматриваемую категорию — сначала материальный поворот указал на ограниченность понятия «социального», затем пространственный и мобильный поворот фактически стерли границы между социальным и физическим пространством (Latour 2005; Sheller, Urry, 2006; Филиппов 2009). В свете междисциплинарных трансформаций корпуса социальных наук проект социальной мобильности, которым был «одержим» модерн (Archer 2007), по мнению британского социолога М. Севейджа (Savage 2007: 892), в настоящий момент представляет собой не более чем «политическую арифметику» с историческим фокусом, а инновации в данном поле связаны лишь с использованием новых источников данных (к примеру, базам зарегистрированных браков или генеалогическим архивам). Однако сама проблематика социальной мобильности не стала менее актуальной. Этот концепт, подразумевающий движение отдельных людей, социальных групп и их характеристик в социальном пространстве, нацелен на работу с ключевыми вопросами современных исследований: неравенством, рисками и жизненными шансами. Следует отметить, что обозначенные сферы социологического знания зачастую экономизированы и укоренены в логике национальных государств.

Традиционные для измерений в рассматриваемой области категории экономического дохода, профессиональной принадлежности и уровня образования транслируют весьма ограниченную картину социальной реальности. Кроме того, множество объектов пристального социологического интереса, от глобальных проблем и политических кризисов до природных катастроф и военных конфликтов, не входят в зону исследований социальной мобильности. Безусловно, каждый из этих феноменов изучается соответствующей «инстанцией» знания, однако позиции человека, вещей, групп и их ассамблежей в социальном пространстве из разных областей исследований, как правило, не пересекаются. Иными словами, существует возможность сгруппировать целый ряд перспективных направлений «вокруг» проблематики социальной мобильности. Мы утверждаем, что программа парадигмы мобильности обладает достаточными ресурсами для насыщения концепта социальной мобильности необходи-

мыми инструментами, позволяющими «схватывать» динамику современных тенденций.

Текущие исследования, несмотря на усиление позиций так называемого социокультурного подхода, как правило, ретроспективны. Парадигма мобильностей предлагает новые прочтения классического концепта, оперируя категориями систем мобильности и мгновенного времени (Урри 2012). В первой части статьи критически рассматриваются классические исследования социальной мобильности — хроника трансформаций оснований для измерения взлета или падения в социальном пространстве. В этом контексте мы даем краткую характеристику основных исследований XX в., сфокусировавшись на интересующих нас особенностях, стратификационных основаниях и методологии измерений. Если мы говорим о «кризисе» в данной области, то необходимо привести аргументы в доказательство нашей позиции, чему посвящена вторая часть статьи, где приводится ряд современных исследований и дискуссий, в которых прослеживаются значимые изменения в трактовках социальной мобильности и которые составляют почву новых теоретических подходов. В третьей (дискуссионной) части поднимается вопрос о ключевых основаниях для развития исследований социальной мобильности в контексте парадигмы мобильностей.

Классические исследования: «национальный характер» и периодизация

Говоря о мобильности в социологии, обычно имеют в виду социальную мобильность — изменение позиции в стратификационной системе координат. Авторство такой трактовки принадлежит Питириму Сорокину, предложившему органицистскую метафору: социальная мобильность как (вертикальная) циркуляция, подобная кровообращению в человеческом теле (Сорокин 1992: 317). Движение вверх, таким образом, является восходящей мобильностью, а движение вниз — нисходящей. Социальные лифты, в свою очередь, призваны доставлять талантливых людей на высокие профессиональные позиции, обратная ситуация приводит к «застою». Помимо вертикальной мобильности Сорокин выделяет мобильность горизонтальную — процесс перехода из группы в группу без изменения профессионального статуса (к этому виду относится и географическое перемещение). Различаются также мобильность внутрипоколенная, рассматривающая статусные изменения в течение жизни, и межпоколенные исследования — в них нас интересуют позиции представителей разных поколений семьи в схожих точках жизненной траектории, к примеру в начале и в конце карьеры. Следует отметить, что девять

из десяти статей в «American Sociological Review», в названии которых фигурирует понятие «mobility», связаны именно с исследованиями межпоколенной (или интергенерационной) мобильности. П. Сорокин провел масштабное исследование, основными критериями измерения в нем выступали число экономических, политических и профессиональных позиций, преодолеваемых в ходе осуществления мобильности, и общее число людей, совершивших перемещение. Результаты, полученные автором, говорили о наличии сравнительно небольших возможностей для быстрого взлета по социальной лестнице в США, что различалось с «народными» представлениями американцев. Широко известен «диссоциативный» тезис Сорокина: по его мнению, не только нисходящая, но и восходящая мобильность пагубно влияет на осуществившего ее человека, вызывая проблемы исключенности, изоляции и даже психические расстройства (Sorokin 1959: 515–520).

Тезис П. Сорокина регулярно подтверждается (Friedman 2014) и опровергается (Chan 2017) современными авторами, что позволяет говорить о его несомненной актуальности. С. Липсет и Р. Бендикс определяют социальную мобильность в схожем ключе — как совокупность процессов, посредством которых индивиды перемещаются между позициями социальной системы (Lipset, Bendix 1991). Для них идеальная модель социального пространства состоит из «преуспевающих» и «непреуспевающих» людей с посредником в лице индустриального государства, которое с помощью образовательных, экономических и юридических преобразований должно повысить число «преуспевающих». Липсет и Бендикс провели международное исследование, затронувшее девять стран, наиболее известное фиксацией примерно одинаковых темпов роста восходящей мобильности и для Британии, и для Швеции, и для Японии, с наивысшим показателем в США, что, по мнению Э. Гидденса, связано с более активным ростом профессиональных организаций в этой стране (Гидденс 1992: 113).

П. Блау и О. Данкан провели собственное исследование, выявив довольно высокий уровень возможностей для осуществления восходящей мобильности, что, однако, объяснялось более высокими темпами роста вакансий для «белых воротничков», нежели для рабочих специальностей (Blau, Duncan 1967). Для своего анализа авторы предложили иерархию профессий, а также выделили категории ближних и дальних социальных мобильностей, связанных со схожей или отличной профессиональной сферой. Так Блау и особенно Данкан, выступивший с регрессионной моделью, «замеряющей» позицию в социальном пространстве по доходу и образованию, внесли значительный вклад в постепенное отдаление понятия социальной мобильности от социологического теоретизирования

в область социально-экономического шкалирования. При этом одного лишь факта наличия выборки, состоящей из 20 тысяч мужчин, достаточно для наличия сомнений в релевантности предложенных авторами рамок анализа. Следует отметить, что логика Блау и Данкана, американских социологов, во многом была детерминирована текущей политической повесткой — моделью социального пространства для них выступало бесклассовое общество равных возможностей.

Однако в американской социологии существуют и критические подходы к исследованиям социальной мобильности. Так, Д. Фетерман и Р. Хаузер выступили с гипотезой о наличии «базовой» мобильности, присущей конкретным обществам (Featherman, Hauser 1978). Тем не менее О. Шкаратан разделяет два этапа исследований социальной мобильности именно по отношению к «равенству возможностей»: условный американский «оптимистичный» и европейский «пессимистичный» (Шкаратан 2011: 14–16). Европейские социологи чаще пользовались классовыми подходами, по мнению ряда современных авторов, выработав «золотой стандарт» классовой модели в данной области (Savage et al. 2013: 221). В отличие от американских коллег, работы европейцев демонстрируют «меритократический пессимизм». Э. Гидденс с иронией отмечает, что самый лучший способ разбогатеть в Великобритании — «родиться богатым» (Гидденс 2005: 172). Британский социолог Дж. Голдторп разработал собственную систему классового деления на основе профессиональных групп (от рабочих до высших управленцев) (Goldthorpe 1982). Исследование, проведенное в Оксфорде в 1972 г., связано с опросами мужчин четырех возрастных групп, разделенных по декадам рождения (1908–17, ...1938–1947) и трем классовым основаниям: управленцы и специалисты (*salariat*), средние классы, низкоквалифицированные рабочие. Измерялись показатели класса, в котором их «зафиксировали» исследователи, и класса их отцов — общие показатели мобильности; изменение класса оказалось стабильным для всех когорт — около 50 %. Однако, если разбить общие показатели на восходящую и нисходящую мобильность, окажется, что темпы восходящей мобильности плавно росли у каждого следующего поколения, а темпы нисходящей мобильности падали. Голдторп связывает это наблюдение скорее с общим изменением классовой структуры и появлением большего числа рабочих мест в верхней части «пирамиды» и одновременного сокращения нужды в низкоквалифицированных рабочих, нежели с образовательной революцией. Данные выводы созвучны работам П. Бурдьё, развенчавшего миф о равных возможностях, которые предоставляет образование, являющееся, по его мнению, еще одним резервуаром для конвертации основных капиталов (Bourdieu 1973).

Остановимся на основных критических точках рассмотренных подходов. Во-первых, позиция в социальном пространстве концептуализируется предельно узко: как совокупность профессии, дохода, образования или классовой принадлежности, собранной из ряда схожих характеристик. Во-вторых, модель социального пространства в перечисленных исследованиях представляет модель «нормального» развитого национального государства. В-третьих, эти государства населены «нормальными людьми»: в них нет стигматизированных групп, пожилых, нездоровых, в ранние работы не включали даже женщин. В-четвертых, модель «мобильности», предлагаемая в классических подходах, крайне статична и подразумевает, что профессиональные, образовательные и экономические показатели останутся неизменными долгие годы и десятилетия. В целом следует подчеркнуть, что эмпирические данные в этих исследованиях зачастую «обгоняют» теоретические построения (Филиппов 2012: 22–23).

Современные исследования: вперед к индивидуализации, назад к биологическому детерминизму?

Логика классового подхода (слабо) видоизменилась в последних работах Голдторпа и его коллег: теперь они используют официальную модель британской национальной статистической социально-экономической классификации (NS-SEC), в которой все так же выделяется три класса, но уже из семи профессиональных групп. Сравнивая выводы Оксфордского проекта и исследования, проведенного через 40 лет (Bukodi, Goldthorpe 2012; Bukodi et al. 2016), Голдторп отмечает, что перспективы осуществления вертикальной мобильности более молодых поколений британцев ниже, чем у их родителей. При этом, рассматривая вопросы относительной социальной мобильности, Голдторп утверждает, что показатели наследования классовой позиции оказываются удивительно стабильными у совершенно разных групп (причем как мужчин, так и женщин) (Goldthorpe 2016: 99). Голдторп объясняет такое наследование не передачей статуса *per se*, но передачей статусной профессии, при этом характер социальной мобильности, по его мнению, определяет не столько уровень образования, сколько более широкие аспекты социальной и экономической политики. Голдторп заканчивает работу еретической, по мнению самого автора, рекомендацией — отказаться от попыток регулирования социальной мобильности.

Тем не менее «удельный вес» образовательных ресурсов в контексте социальной мобильности продолжает измеряться для каждой конкретной страны с учетом наличия стратификационных структур. К примеру, в одном из последних российских исследований, проведенном Г. Ястребовым,

выявлено расхождение в соответствии «социальных траекторий» так называемых раннего и позднего постсоветского поколений. Классификация была составлена по двум традиционным основаниям: образованию и положению на рынке труда, при этом категории дохода намеренно не учитывались, чтобы избежать подозрения в «экономизме» (Ястребов 2015: 8–9). По мнению Ястребова, образовательные реформы (в частности, введение ЕГЭ) действительно способствовали демократизации образовательных возможностей в современной России.

Следует отметить, что позиции классовых подходов в исследованиях социальной мобильности до недавнего времени оставались доминирующими: класс признавался «материальной реальностью» (Шкаратан, Ястребов 2007: 5–6), а в фокусе исследований находились группы, распределенные по владению капиталами. Изменения в данной области связаны с социокультурным поворотом, а также с поворотом к индивидуализации, именами Э. Гидденса, У. Бека, З. Баумана, чьи идеи позволяют подойти к исследованиям социальной мобильности с принципиально иной стороны (Giddens 2002; Beck 2000, 2007; Bauman 2013). Фокус работ в этой области учитывает субъективный уровень — авторы утверждают, что ответственность за построение своей идентичности в современном мире «перекаладывается» на индивида. «С каждым витком индивидуализации... растут принуждения строить собственную биографию самостоятельно» (Бек 2000: 198–199). При этом У. Бек утверждает, что классовые исследования «просрочены», не отражают процессов метатрансформации современности (Beck 2007: 679–680). Так, П. Бергер сравнивает траекторию человека в обществе раннего капитализма с поездкой на поезде с жестко структурированным направлением и расписанием, тогда как современная жизнь напоминает скорее передвижение на автомобиле, где «водитель» способен самостоятельно построить свой маршрут (Бергер 2008: 20). Таким образом, поворот к индивидуализации меняет концептуализацию социальной позиции в контексте исследований социальной мобильности — она уже не только объективно наблюдаемая, но и субъективно проживаемая, а выбор ключевых точек основывается на анализе биографий и жизненных траекторий (Schutze 2014; Семенова 2016; Bertaux, Thompson 2017). В актуальных исследованиях этого направления исследований СМ дестандартизацию биографий ученые рассматривают в контексте «классических» структур социального неравенства, комбинируя субъективные факторы, к примеру, с категориями класса и гендера (Ерофеева 2015). Однако еще раз подчеркнем: в данном контексте мы имеем дело с метонимией человек как точка его биографии, что позволяет отслеживать динамику мобильности спустя годы и десятилетия после биографических событий.

Иная стратегия современных подходов подразумевает анализ «больших данных». Масштабное исследование межпоколенной социальной мобильности провел экономист Г. Кларк (Clark 2014). Он предложил сменить фокус исследований в данной области на изучение фамилий, а именно «скорости, с которой фамилии, означавшие высокий или низкий статусы, лишаются этих коннотаций» (Clark 2014: 52). Работа Кларка в некотором роде актуализирует позитивистский дискурс в социологии — автор предлагает универсальный закон межпоколенной социальной мобильности, фактически предлагая «закрыть» данный вопрос и соответствующую область социальных наук, что обязывает нас подробно рассмотреть эту работу, вызвавшую ожесточенную дискуссию (и переведенную на русский язык в 2018 г.). Основная посылка исследования довольно проста — автор стремится «проверить» широко распространенный тезис: в современном мире богатые становятся только богаче, а бедняки остаются бедняками. При этом в классических исследованиях зависимость социального статуса от каждого следующего поколения уменьшается, стремится к нулю. Чтобы ответить на это несоответствие, необходимо заглянуть в прошлое, считает автор, и заглядывает (в случае Англии) вплоть до XII в. Следует объяснить принцип работы с фамилиями, которые, собственно, и выступают в роли объекта исследования. Кларк приводит пример семьи с редкой фамилией *Peruses*, сохранявшей высокий социальный статус на протяжении семнадцати поколений, что практически невозможно с точки зрения классических измерений (Clark 2014: 224–225). Автор утверждает, что существует множество таких примеров — династия Базальеттов (*Bazalgette*), Расбриджеров и т.д. К примеру, в анализе местной знати, адаптировавшей фамилии от «благородных» слов: «лев», «золото», «орел» и т.д. Кроме того, автор фокусируется на латинизированных фамилиях и фамилиях, наиболее распространенных в Швеции (с окончанием «*son*»), прослеживая судьбу наследников через открытые «большие данные» — студенческие и профессиональные реестры, сведения о рождении и смерти, регистры населения, политические и военные базы.

Кларк приходит к удивительному выводу: вне зависимости от политических, культурных и прочих глобальных макропроцессов в исследуемых странах наблюдается стабильная переменная *интергенерационной корреляции* с показателем в $\sim 0,75$, что делает социальный статус такой же наследуемой величиной, как, например, рост (и даже более). Кроме того, вслед за Ф. Гальтоном Кларк утверждает, что в конечном итоге у межпоколенных статусных значений (примерно за десять поколений) наблю-

дается регрессия к среднему значению. Таким образом объясняется как удивительно стойкий характер воспроизводства элит (как и «андеркласса»), так и свойство этих классов растворяться (а точнее «регрессировать к среднему») с течением времени. При этом Кларк отрицает логически вытекающее из исследования представление о конце «американской мечты», в частности право на поиск счастья и способность «достичь чего угодно», утверждая, что в абстрактном меритократическом обществе, скорее всего, были бы низкие темпы социальной мобильности (Clark 2014: 261–262). В конце концов, по мнению Кларка, социальная мобильность должна регулировать такие вопросы в автоматическом режиме, снабжая ресурсами нуждающихся (Clark 2014: 225–227).

Итак, Г. Кларк выбирает нетривиальный объект исследования, предлагая новый метод анализа. Автор считает, что удивительную стабильность динамики социальной мобильности можно объяснить наличием неких «основополагающих компетенций». Кларк подчеркивает, что термин «статусный генотип» «не означает, что гены на самом деле передают статус, просто этот процесс внешне напоминает генетическую передачу» (Clark 2014: 12). Несмотря на эту ремарку, критики подхода Кларка в первую очередь (и не в первый раз*) подозревают его в биологическом детерминизме. Иные претензии к исследованию фокусируются на ряде вопросов. Во-первых, почему Кларк не учитывает агентность самой фамилии? Как справедливо отметил М. Корак, фамилия — набор не просто генов, но и социального давления, прав и обязательств, которые одних удерживают «внизу», а другим, наоборот, не дают упасть (Corak 2014: 812–813). Учитывая этот факт, удача, выделяемая Кларком в отдельный вариативный пункт, должна быть включена в разряд этих «компетенций».

Во-вторых, Кларк пренебрег использованием структурного подхода, что не позволило ему сравнить, к примеру, исторические контексты статусных нагрузок тех или иных профессий. Так, студенты Оксбриджа в XII и XX вв. являлись разными типами элит (Savage 2015: 112). Севейдж отмечает, что значения абсолютной социальной мобильности, по данным ряда исследований, действительно выросли. О том, что Кларк, сконцентрировавшись на относительной мобильности, упускает факт развития уровня благосостояния и человеческого капитала, говорит и М. Корак. Вдобавок Севейдж утверждает, что концепты, которыми оперирует Кларк, нуждаются в более четком определении. И действительно, если модель

* В работе «Прощай, нищета! Краткая экономическая история мира» в качестве одной из причин экономического роста Британии Кларк называет «плодовитость» высшего класса.

Блау-Данкана опирается на классификацию профессий, а модель Голдторпа на ранжирование классов, то в концепции Кларка понятия статусной иерархии, элит и «андеркласса» являются «самоочевидными». Следует отметить и спорный характер концепта «компетенций», более релевантный для периода доминирования органистических моделей в социальных науках.

В целом, несмотря на то что М. Севейдж назвал это исследование «провалом», утверждая, что оно является отличным примером того, как *не надо* работать с «большими данными» (Savage 2015: 111–113), выводы Кларка следует отнести скорее к дискуссионным. Дискуссионным остается и вопрос репрезентативности «больших данных» и возможности их применения к социологическим исследованиям. Иными словами, при анализе применения «больших данных» в социальных науках остается «пробел» легитимности, т.е. каждое конкретное исследование следует разбирать (признавать) отдельно. По мнению К. Губы, «важно продолжить задаваться вопросом, с какими же данными мы имеем дело и о чем они могут нам рассказать» (Губа 2018: 231). Тем не менее отметим, что недавние исследования, использующие совершенно иной язык описания, косвенно выступают в пользу выводов Кларка. Так, «генетический анализ», проведенный американскими исследователями в пяти лонгитюдных проектах, позволил выделить суммарную генетическую переменную — «полигенетическую оценку», которая способна предсказать образовательный и экономический успех человека (Belsky et al. 2018).

Итак, можем ли мы говорить о наличии кризиса в исследованиях социальной мобильности? Сфокусируемся на основных уязвимых точках рассмотренных подходов. Как мы могли отметить, перечисленные исследования работают с устойчивыми конструктами: образование, власть, профессиональная принадлежность, экономический капитал. Из различных комбинаций этих показателей вырисовываются социальные группы или классы, при этом само собой разумеющимся предстает вопрос о схожей природе их жизненных шансов, проблем, с которыми они сталкиваются. Определение социальной позиции как прежде всего профессиональной принадлежности вызывает вопросы: критика данных подходов ставит под сомнение процедуру ранжирования профессий, возможности корректного измерения престижа того или иного вида деятельности. В таком контексте пересмотр устоявшейся логики возможен ввиду появления новых гибких типов занятости, смены общеразделяемых представлений о норме, нагрузке и успешности, растущей численности прекариата, восходящей мобильности интернет-блогеров, онлайн-геймеров, биткоин-миллиардеров и т.д. Также затрудняют процедуру ранжирования про-

цессы депрофессионализации и перспективы внедрения безусловного дохода. Интересный шаг в разрушении «функционалистской» логики делает антрополог Д. Гребер, приводя ряд примеров, демонстрирующих глубокие проблемы в сфере профессиональной стратификации (Graeber 2018). Так, для перемещения персонального компьютера из одной комнаты общежития, принадлежащего вооруженным силам ФРГ, в другую нанимается отдельный сотрудник, проезжающий из другого города несколько сотен километров. За эту, на первый взгляд, бессмысленную процедуру из денег налогоплательщиков ФРГ выделяется 400 евро (в работе Гребера приводится множество подобных примеров). Вопросы ранжирования и фиксации уровня образования также туманны: у современного специалиста может быть пройдено несколько сотен онлайн-курсов при отсутствии диплома о высшем образовании, и наоборот, подобное свидетельство в контексте реалий непрерывного образования не может выступать определяющим критерием демаркации.

Таким образом, несмотря на то что обновленные классические подходы продолжают отвечать на поставленные вопросы, вариативность и эвристичность этих ответов снижается. Так, выводы многолетних проектов социолога Голдторпа, генетического анализа, проведенного исследователями из США (Belsky et al. 2018), экономиста Кларка во многом созвучны в утверждении как «диагноза» — динамика воспроизводства социального неравенства крайне устойчива, так и отсутствия «лечения» — регуляции в данной сфере не достигают ожидаемых результатов. Иными словами, концептуализация социальной мобильности как воспроизводства классов и капиталов во многом себя исчерпала.

Программа исследований социальной мобильности, направленная в будущее: дискуссия

Проблематизация в нашей работе строится на «опасениях» неспособности как классических, так и ряда современных подходов к исследованиям социальной мобильности адекватно работать с комплексностью и быстротечностью современных глобальных процессов. Вернемся к изначальной трактовке концепта социальной мобильности, как будто бы он не был закреплен за исследованиями воспроизводства воротничков, отцов и сыновей и т.д.: СМ — движение в иерархии социального пространства. В данном контексте следует обратиться к парадигме мобильностей, продолжающей победоносное шествие по различным отраслям знаний, изменяя ландшафты социальных наук (Buscher et al. 2016) и способствуя активному преодолению того, что можно назвать «социологической реификацией». При этом, несмотря на то что основным объектом «мобиль-

ного анализа» являются «связи между движением и социальной мобильностью» (Урри 2012: 76), влияние парадигмы мобильностей на исследования СМ в целом представляется весьма ограниченным. Наиболее распространенная трактовка влияния Урри — «перевод» социальной мобильности в географическое измерение, что, однако, представляется неполной интерпретацией. Ряд авторов рассматривали изменение позиции социальной мобильности в контексте модели объяснения, предложенной Урри, однако зачастую тщательно разбирается лишь один из его посылов: «мы движемся в пространстве», социальное суть движение (Веселкова 2011). Однако мы теперь не только и не столько часть национального государства, и мы не профессиональная принадлежность, но элемент комплексных систем мобильности, организующихся «вокруг процессов, которые заставляют вращаться людей, объекты и информацию на разной скорости и с разным размахом» (Урри 2012: 143). Различие между выделенными подходами пролегает в трех измерениях: мобильность (как движение — как система мобильности), пространство (глобальное — локальное), время (часовое — мгновенное). Проясним эту демаркацию в описании каждого выделенного направления.

В первом направлении (назовем его «слабой» программой) артикулируется модель объяснения, работающая с концептуализацией мобильности как движения. В данном подходе фокус смещается на микроуровень повседневных практик, в центре анализа находятся процессы повседневной мобильности, динамика (упрощенной) категории сетевого капитала — «всевозможных действительных и потенциальных взаимодействий с пространственно удаленными людьми, вещами, местами, информацией, а также соответствующие виды передвижения» (Харламов 2012: 21). Как точно отметил Н. Харламов, в контексте «текучей современности» позиция в иерархии социального пространства и объем сетевого капитала тесно связаны с возможностью осуществления той или иной мобильности. К примеру, отмена электрички Королёв — Москва ударит по социальной позиции жителей Королёва, ведь, как утверждает Урри, в современном мире именно мобильность (а точнее, возможность ее осуществления) является основным капиталом. Другим точным примером взаимосвязи динамики позиций в социальном пространстве и мобильного капитала снабжает нас политика «социального рейтинга» в Китае. Так, «недобросовестным» гражданам Китая с низким социальным рейтингом запрещено приобретать билеты на скоростные поезда, пользоваться прокатными автомобилями и т.д. (Liang et al. 2018). Таким образом, первый подход рассматривает, как тот или иной вид повседневного движения определяет социальную позицию и, наоборот, оценивает социальную позицию

по отношению к формам мобильности. В данном контексте в фокусе интерсекциональные вопросы социального неравенства, при этом отмечаются следствия повседневной мобильности и иммобильности для пересечения различных позиций (Jensen 2011).

Разберем несколько наиболее типичных исследований «слабой программы», фигурирующих практически в каждом из 14 выпусков журнала «Мобильности» («Mobilities»). В. Стьернборг с коллегами из Лундского университета анализирует практики повседневной мобильности пожилой пары, проживающей в пригороде Стокгольма (Stjernborg et al. 2015). Авторы фокусируются на вопросах неравенства и исключенности из мобильной среды, связи старения и потери мобильного капитала, необходимости обладания личным транспортом для доступа к встречам, городской инфраструктуре и т.д. Несомненно, шведские исследователи затрагивают актуальные и чувствительные проблемы, однако, по сути, работа является классическим этнографическим проектом, где мобильность и сетевой капитал — скорее вспомогательные концепты для описания повседневных практик укорененных в сетях производства неравенства, что позволяет отнести работу к «слабой программе», как и ряд схожих исследований, к примеру посвященных проблемам повседневной мобильности бездомных и др. (Smith, Hall 2016). К «слабой программе» следует отнести и исследования миграции в рамках мобильной социологии. К примеру, исследуя мобильности румынских мигрантов в Европе, Р. Чиобану отмечает, что миграция перестала быть единичным событием, переездом из точки А в точку Б. После первого переезда часть переселенцев продолжает перемещаться между странами в поисках «лучшей жизни». Чиобану задается вопросом: вызваны ли данные множественные миграции «объективными», структурными факторами или же являются следствием субъективных выборов самих мигрантов? Иными словами, в первой части работы автор описывает совокупность объективных факторов, а во второй изучает, какое отражение объективные переменные находят в выборах и нарративах мигрантов. Автор (действуя в рамках «качественного» подхода) сетует на отсутствие корректного инструментария, корректной модели измерения, которая могла бы фиксировать динамику жизненных шансов мигрантов и при этом была бы доступна самим мигрантам.

Таким образом, в рамках данного подхода происходит транспонирование традиционных качественных подходов к исследованию социального неравенства в плоскость мобильной социологии, а точнее, перенос фокуса исследования на проблематику перемещений в физическом пространстве: исследования туризма, использования транспорта, проблематики беженцев и т.д. Основными средствами измерений в рамках

данного подхода выступают как «классические» качественные методы: наблюдение, интервью, — так и некоторые «мобильные» методы: мобильный дневник, «go along» (Запорожец 2017). Фокус таких исследований, несмотря на использование концептуального аппарата мобильной социологии, укоренен в локальных практиках, зачастую связанных со спецификой того или иного пространства, города, страны. Фокус на новых глобальных проблемах, вызванных растущими скоростями «мобильного мира», зачастую единственная отличительная черта данных работ среди множества проектов анализа социального неравенства. Возникает предположение, что именно обилие исследований такого рода связано с конвенциональным представлением о (слабом) влиянии парадигмы мобильностей на исследования СМ, а также вызывает вопросы к парадигмальности теории Урри.

Тем не менее существует целый ряд вопросов (непосредственно связанных с динамикой позиций в социальном пространстве), остающихся «за бортом» классических исследований социальной мобильности, рассмотренных в рамках мобильной социологии. Во-первых, в рамках «слабой программы» рассматривается социальная позиция тела, здорового или нездорового, однако, не учитывается важность глобального осмысления жизненных шансов. В данном контексте она определяется открытием новых лекарств для борьбы с онкологическими заболеваниями или ВИЧ, разработкой новых вакцин, бионических протезов и т.д. Новые материальные объекты создают новые возможности обладания ими (*affordance*), которые влияют на динамику сетевого капитала и жизненных шансов. Таким образом, глобальные события, влияющие на жизненные шансы широких социальных групп, более не привязанные к национальным границам, позволяют говорить о транснациональной социальной мобильности: физическое отсутствие сопряжено с включенностью социальной позиции в то или иное событие (Carling et al. 2012).

Во-вторых, мобильная социология (как довольно мягкая и адаптивная исследовательская программа) привлекла внимание широкого круга исследователей к проблемам взаимодействия человека и техники. Более того, именно в рамках мобильной социологии рассматривается широкий круг связанных с техническим развитием глобальных проблем, вызывающих «онтологическую тревожность» (Buscher et al. 2016): от изменений климата и геоинженерии до тотальной слежки (*global surveillance*) и массовой утраты работ в связи с развитием робототехники. В частности, внедрение нейросетей, к примеру, в области здравоохранения ставит под вопрос будущее престижной профессии врача-диагноста как таковой: если до этого информация, собираемая машинами, нуждалась в человеческой

интерпретации, то теперь точность диагноза выше у нейросети. В данном контексте под вопросом находится не только область исследований профессиональной сферы, но и сами эпистемологические основания категории социальной позиции (Boyd, Holton 2018: 11). В одной из своих последних работ Дж. Урри отмечает, что в условиях «сингулярности» (связанной с предполагаемым открытием полноценного искусственного интеллекта в ближайшее десятилетие) произойдет эволюционный сдвиг — человек перестанет быть единственным разумным видом на нашей планете (Urry 2016: 24): под угрозой коллективная «социальная позиция» нашего вида. Прогнозы Урри быстро сбываются: уже в 2019 г. стартап Илона Маска «NeuroLink» анонсирует механизм внедрения источников получения информации непосредственно в мозг человека. События подобного рода меняют всю систему существующих концептуализаций человека и социальной стратификации (Braidotti 2013). Соответственно необходим новый кумулятивный подход, позволяющий описывать динамику социальной позиции различных групп по отношению к интерсекциональным системам мобильностей, создающим как отсутствовавшие прежде возможности (*affordances*), так и новые риски.

При этом данный подход (назовем его «сильной программой») подразумевает преемственность по отношению к классическим подходам, иными словами, работу с так называемыми «объективными» характеристиками с рассмотрением влияния включенности в системы мобильностей на социальную позицию, что непосредственно связано с изначальной трактовкой социальной мобильности, предложенной П. Сорокиным. В таком контексте в центр исследований помещаются вопросы жизненных шансов, положения ценностей и материальных предметов в социальном пространстве. Шансы наших современников, включенных в комплексные системы мобильности, во многом определяют глобальные события и проблемы, развитие науки и техники (искусственный интеллект, робототехника и т.д.), происходящее в мгновенном времени, что не вписывается в логику и инструментарий подходов, выделяемых и М. Севейджем и О. Шкаратаном. В нашем представлении именно смена анализируемого временного промежутка способна преодолеть кризис в исследованиях социальной мобильности. Большинство рассмотренных классических подходов, оперирующих так называемыми «объективными данными» — свидетельствами профессиональной принадлежности, дохода, образования и т.д., работают в рамках одного-двух поколений. Поворот к индивидуализации помещает в центр исследования «рефлексирующего индивида» (Семенова и др. 2019: 77), собирая ценную информацию о субъективном восприятии тех или иных изменений социальной позиции. Однако,

фокусируясь на жизненных траекториях, биографический подход все же транслирует изображения (более или менее) отдаленного прошлого. Г. Кларк выбирает масштабный временной промежуток, охватывающий века и десятки поколений, получая при этом результат, обесценивающий достижения и классического, и «субъективного» направления. Мгновенное время в принципе ставит довольно высокую планку, не являясь «человеческой» категорией *per se*, существуя лишь в пространстве современных технологий, опосредуя коммуникацию между техническими актантами («machine — machine interaction»), помещая исследователя в положение интерпретатора.

Следует прояснить, чем работа с концептом мгновенного времени отличается от логики иных подходов, также включающих в анализ материальные объекты и чутких к системной динамике. Так, в социальной топологии Джона Ло (на которой во многом базируется мобильная социология Урри) изменение отношений в сети, конституирующей объект, фактически означает разрушение объекта. Ло перечисляет группы отношений, «собирающих» португальский галеон: враги, власти страны, корабельная команда, провиант, крысы (Law 2000: 4). Однако каждую единицу времени в этих системах происходят колебания: крысы постепенно проедают дыры в мешках с припасами, в команде назревает бунт из-за постоянных конфликтов, навигация усложняется из-за погодных условий. Рассматривая изменения в режиме мгновенного времени, резоннее предположить, что каждую единицу времени изменения в сетях разрушают старый галеон и производят новый корабль, но, пока одни из этих отношений не приходят к коллапсу, это все еще корабль, только его позиция в сети подвижна, подвержена флуктуациям, зачастую недоступным для фиксации исследователя. Возможно ли транспонировать эту логику на позиции человека в его ассамбляжах с материальными объектами и информацией, зафиксировать его принадлежность к системам мобильностей, отслеживать динамику данной позиции подобно динамике акции на фондовом рынке? Объединение различных систем мобильности и масштабирования оптики — один из центральных вопросов мобильной социологии последних лет.

Итак, ранее нас интересовал временной промежуток в человеческую жизнь (а скорее, карьеру), в котором выделялись некоторые точки для последующего сравнения. Однако в логике «сильной программы» позиция человека в его ассамбляжах с материальными объектами и информацией, конституированная системами мобильности, подвержена изменениям в мгновенном времени. Операционализация этой посылки и дробление пространственно-временных характеристик социальной мобильности

до недавних пор не представлялись возможными ввиду отсутствия релевантных методов для осуществления, казалось бы, весьма логичного транспонирования. Однако теперь возможность уменьшения единицы временного анализа выглядит многообещающей. Так, одной из наиболее цитируемых статей в социальных науках за последние десять лет стала работа М. Севейджа и Р. Берроуза, в которой провозглашается кризис социологии: несостоятельность конвенциональных методов (опроса и интервью) и сложность поддержания холистического корпуса наук, обращающегося к различным аспектам социального (Savage, Burrows 2007). Авторы предлагают использовать данные, произведенные рядом публичных институций (что и предпринял Кларк). В данном контексте нас интересуют исследования в области медицины, техники, экологии, глобальных проблем — «сборка» социального пространства, базирующаяся на глобальной динамике жизненных шансов. Иными словами, для новой программы исследований социальной мобильности важна не столько интерсекциональность теорий, сколько интерсекциональность данных. При этом, по мнению Эббота, существует запрос именно на описание таких процессов, которое в настоящий момент выполняется другими сферами производства знания, в то время как социология продолжает преследовать вопросы сомнительной каузальности (Abbott 2001: 121). Агентами производства этих данных могут выступать не только конвенциональные структуры, «ответственные» за этот процесс, но и государства.

Несмотря на утверждение ряда авторов об отсутствии релевантных теорий для работы с «большими данными» (Губа 2017: 225–226), в нашем представлении парадигма мобильностей нацелена на этот подход. Сборка ряда переменных в категорию сетевого капитала возможна, однако вопрос выбора оснований для измерения жизненных шансов в режиме мгновенного времени остается дискуссионным и этически спорным (Boyd, Crawford 2012). Создание комплексных моделей сетевого капитала вместо наблюдения за динамикой может создать новую версию социальной реальности, где наибольшее значение такого капитала получает тот, кто имеет доступ к самой системе. Так, работа с «большими данными» нередко приводит к созданию новых систем неравенства. Применение систем кредитного рейтинга широко распространено во многих странах, однако в ряде китайских регионов те или иные действия и ситуации влияют на изменение позиции в рейтинге в реальном времени, влекущее не только более высокий процент по кредиту, но и отказ в допуске в транспорт, гостиницу, получении рабочего места и доступе к услугам здравоохранения. Таким образом, вопрос измерения сетевого капитала в режиме мгновенного времени требует широкой дискуссии.

Заключение

В классических исследованиях социальной мобильности измерения строятся вокруг ряда типичных конструкторов: государство, власть, профессиональная принадлежность, экономический капитал. Из различных комбинаций этих показателей вырисовываются социальные группы или классы, при этом «самоочевидным» предстает вопрос о схожей природе их жизненных шансов, проблем, с которыми они сталкиваются. Уязвимое место таких классификаций — упрощения, свойственные «плоским генерализациям» (Тёмкина, Здравомыслова 2017: 19). Нежелание традиционных исследований социальной мобильности работать с вариативными социальными позициями проистекает из политического контекста данных работ, полувековой традиции обследования только мужского пола, только здоровых людей работоспособного возраста, только развитых стран и т.д. Мы постарались рассмотреть социальную мобильность не как монолитный концепт, связанный с рассмотрением классового воспроизводства, но как интуицию движения в социальном пространстве. Как было отмечено, оперирование объективными характеристиками имеет свои ограничения и недостатки, однако и биографический подход не предлагает ответов на ряд критических точек, выделяемых в классических подходах. Поворот к индивидуализации, в частности биографический подход, позволили взглянуть на вопросы социальной мобильности «снизу вверх», однако при этом остались ретроспективными. Несмотря на обилие ценной социологической информации, на выходе мы получаем ретроспективные результаты со значительной задержкой, «круги на воде», произведенные претерпевшими многократные трансформации с момента измерения системами мобильности. Мы рассмотрели возможности анализа социальной мобильности с позиций парадигмы мобильностей, адаптированной к анализу глобальных трансформаций (Damjanov, Crouch 2018). Ключевая особенность этой модели объяснения связана с наиболее проблематичным аспектом приложения парадигмы мобильностей к исследованиям СМ: работой с системами мобильности в мгновенном времени. Данная логика пронизана «духом» комплексности, всеобщей созависимости и всеохватности происходящих изменений (Покровский 2003).

Выражение благодарности

Статья написана при поддержке гранта РГНФ-РФФИ (№17-33-00065-ОГН ОГН-МОЛ-А1) «Горожане в деревне: дауншифтинг представителей научной и творческой интеллигенции в современной России (социологический анализ)».

Литература

Бек У. (2000) *Общество риска: на пути к другому модерну*. М.: Прогресс-Традиция.

Володин А.Ю. (2017) Что в имени тебе моем? Уроки социальной мобильности судя по фамилиям. *Экономическая история*, 1: 112–114.

Веселкова Н.В. (2011) Новые исследования мобильности: совпадающие и несовпадающие потоки и социальная компетентность. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 14(3): 50–66.

Гидденс Э., Бердсолл К. (2005) *Социология*. М.: Эдиториал УРСС.

Губа К. (2018). Большие данные в социологии: новые данные, новая социология? *Социологическое обозрение*, 17(1): 213–236.

Запорожец О.Н. (2017) Мобильные методы: исследование жизни в движении. *Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М)*, 44: 37–72.

Покровский Н.Е. (2003) В зеркале глобализации. *Отечественные записки*, 9(1): 51–65.

Семенова В.В., Черныш М.Ф., Сушко П.Е. (2019) *Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты*. М.: ФНИСЦ РАН.

Сорокин П.А. (1992) *Человек. Цивилизация. Общество*: пер. с англ. под общ. ред. А.Ю. Согомонова. М.: Политиздат.

Стрельникова А.В. (2015) Пространственные проекции социальной мобильности: переезды как доминантные события биографического повествования. *ИНТЕР*, 1(10): 39–46.

Темкина А.А., Здравомыслова Е.А. (2017) Интерсекциональный поворот в гендерных исследованиях. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 20(5): 15–38.

Урри Дж. (2012) *Мобильности*. М.: Практикс.

Филиппов А.Ф. (2009) Прикладная социология пространства. *Социологическое обозрение*, 8(3): 3–15.

Филиппов А.Ф. (2012) Парадоксальная мобильность. *Отечественные записки*. 50(5): 22–23.

Харламов Н.А. (2012) Новое общество или новая наука об обществе? Социология мобильностей Джона Урри. Урри Дж. *Мобильности*. М.: Практикс: 7–58.

Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. (2007) *Социально-профессиональная структура и ее воспроизводство в современной России*. М.: ГУ ВШЭ.

Шкаратан О.И. (2011) Ожидания и реальность. Социальная мобильность в контексте проблемы равенства шансов. *Общественные науки и современность*, 1: 5–24.

Abbott A. (2001) *Time Matters*. Chicago: Chicago University Press.

Archer M. (2007) *Making our Way through the World: Human Reflexivity and Social Mobility*. Cambridge: Cambridge University Press.

Bauman Z. (2013) *Liquid Modernity*. N.Y.: John Wiley & Sons.

Beck U. (2007) Beyond Class and Nation: Reframing Social Inequalities in a Globalizing World. *The British Journal of Sociology*, 58(2): 679–705.

Belsky D.W., Domingue B.W., Wedow R., Arseneault L., Boardman J.D., Caspi A., Moffitt T.E. (2018) *Genetic analysis of social-class mobility in five longitudinal studies*. Proceedings of the National Academy of Sciences.

Blau P.M., Duncan O.D. (1967) *The American occupational structure*. N.Y.: John Wiley & Sons.

Boyd R., Holton R. (2017) Technology, innovation, employment and power: Does robotics and artificial intelligence really mean social transformation? *Journal of Sociology*, 54(3), 331–345.

Bertaux D., Thompson P. (2017) *Pathways to social class: A qualitative approach to social mobility*. N.Y.: Routledge.

Bourdieu P. (1973) *Cultural reproduction and social reproduction*. L.: Tavistock.

Boyd D., Crawford K. (2012) Critical questions for big data: Provocations for a cultural, technological, and scholarly phenomenon. *Information, communication & society*, 15(5): 662–679.

Boyd R., Holton R.J. (2018) Technology, innovation, employment and power: Does robotics and artificial intelligence really mean social transformation? *Journal of Sociology*, 54(3): 331–345.

Braidotti R. (2013) *The Posthuman*. Hoboken: John Wiley & Sons.

Bukodi E., Goldthorpe J. (2012) Decomposing ‘social origins’: The effects of parents’ class, status, and education on the educational attainment of their children. *European Sociological Review*, 29(5):1024–1039.

Büscher M., Sheller M., Tyfield D. (2016) Mobility intersections: social research, social futures. *Mobilities*, 11(4): 485–497.

Carling J., Menjivar C., Schmalzbauer L. (2012) Central themes in the study of transnational parenthood. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 38(2): 191–217.

Chan T.W. (2017) Social mobility and the well-being of individuals. *The British Journal of Sociology*, 69(1): 183–206

Ciobanu R.O. (2015) Multiple migration flows of Romanians. *Mobilities*, 10(3): 466–485.

Clark G. (2014) *The son also rises: Surnames and the history of social mobility*. Princeton: Princeton University Press.

Connelly R., Playford C., Gayle V., Dibben C. (2016) The Role of Administrative Data in the Big Data Revolution in Social Science Research. *Social Science Research*, 59: 1–12.

Damjanov K., Crouch D. (2018) Extra-planetary mobilities and the media prospects of virtual space tourism. *Mobilities*, 13(1): 1–13.

Featherman D.L., Hauser R.M. (1978) *Opportunity and Change*. N.Y.: Academic Press.

Friedman S. (2014) The Price of the Ticket: Rethinking the Experience of Social Mobility. *Sociology*, 48(2): 352–368.

Giddens A., Sutton P. (2017) *Essential concepts in Sociology*. N.Y.: John Wiley & Sons.

Golder S.A., Macy M.W. (2014) Digital Footprints: Opportunities and Challenges for Online Social Research. *Annual Review of Sociology*, 40: 129–152.

Goldthorpe J.H. (1982) On the Service Class, its Formation and Future. In Giddens A., Mackenzie G. (eds.) *Social Class and the Division of Labour*. Cambridge: Cambridge University Press: 162–185.

Goldthorpe J.H. (2016) Social class mobility in modern Britain: Changing structure, constant process. *Journal of the British Academy*, 4: 89–111.

Jensen A. (2011) Mobility, Space and Power: On the Multiplicities of Seeing Mobility. *Mobilities*, 6(2): 255–271.

King G. (2009) The Changing Evidence Base of Social Science Research. In King G., Scholzman K., Nie N. (eds.) *The Future of Political Science: 100 Perspectives*. L.: Routledge: 91–93.

Latour B. (2005) *Reassembling the social: An introduction to actor-network-theory*. Oxford: Oxford university press.

Law J. (2000) *Objects, spaces and others*. Working papers of Lancaster University.

Lipset S., Bendix R. (1991) *Social mobility in industrial society*. New Brunswick: Transaction Publishers.

Murray C. (2012) *Coming Apart: The State of White America, 1960–2010*. N.Y.: Crown Forum.

Ludwig J., Miller D. (2007) Does Head Start improve children's life chances? Evidence from a regression discontinuity design. *The Quarterly journal of economics*, 122(1): 159–208.

O'Neil A., Sojo V., Fileborn B., Scovelle A., Milner A. (2018) The #MeToo movement: an opportunity in public health? *The Lancet*, 391(10140): 2587–2589.

Savage M., Burrows R. (2007) The Coming Crisis of Empirical Sociology. *Sociology*, 41(5): 885–899.

Savage M., Devine F., Cunningham N., Taylor M., Li Y., Hjellbrekke J., Miles A. (2013) A new model of social class? Findings from the BBC's Great British Class Survey experiment. *Sociology*, 47(2): 219–250.

Savage M. (2015) Clark Gregory, The Son Also Rises. Surnames and the History of Social Mobility. With N. Cummins, Yu Hao and D. Diaz. *International Review of Social History* 2015, 60 (1): 111–113.

Sheller M., Urry J. (2006) The new mobilities paradigm. *Environment and planning*, 38(2): 207–226.

Schutze F. (2014) Autobiographical Accounts of War Experiences. An Outline for the Analysis of Topically Focused Autobiographical Texts-Using the Example of the Robert Rasmus Account in Studs Terkel's Book, "The Good War". *Qualitative Sociology Review*, 10(1): 224–283.

Sorokin P. (1959) *Social and Cultural Mobility*, Glencoe, IL: Free Press.

Stjernborg V., Tesfahuney M., Wretstrand A., (2015) Everyday Life Mobilities of Older Persons — A Case Study of Ageing in a Suburban Landscape in Sweden. *Mobilities*, 10(3): 383–401.

Urry J. (2016) *What is the Future?* N.Y.: John Wiley & Sons.

HISTORY AND PERSPECTIVE OF SOCIAL MOBILITY STUDIES AFTER MOBILITY TURN

Egor Nikishin
(enikishin@hse.ru)

National Research University — Higher School of Economics, Moscow, Russia.

Citation: Nikishin E. Istoria i perspektiva issledovaniy socialnoi mobil'nosti: posle mobilnogo povorota. [History and perspective of social mobility studies after 'mobility turn'], *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 22(2): 93–117 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.2.4>

Abstract. This paper critically examines classical and modern studies of social mobility (SM): the author analyzes the basic methodological principles of crucial works in this field to present a brief overview of important discussions on current publications. Critics of the 'traditional' SM program argue that the application of the conventional principles of analysis is not relevant for the 'new conditions' associated with large-scale global changes both in the social and sociological environment: the spread of postcolonial and feminist approaches, de-professionalization trends, erasure of national boundaries and blurring boundaries between social classes. The turn towards individualization in modern SM research and development of biographical analysis allow focusing on the subjective aspects of changing positions in the social space. However, these approaches are retrospective. The author particularly examines the implications of the 'mobile turn' for SM research: the 'weak' and the 'strong' programs for advanced research that have the resources to describe the complex and controversial mobilities dynamics at various levels. The author argues that social mobility research should focus on the strong program that implements different scaling of the spatial and temporal boundaries, the possibilities of using key components of the mobilities paradigm — mobility systems, instantaneous time.

Keywords: social mobility, mobilities paradigm, mobile methods, big data, J. Urry.

Acknowledgements

The study was supported by the grant from the Russian Foundation for Basic Research (project № 17-33-00065) "City Dwellers in the Countryside: Downshifting among Science and Artistic Intelligentsia in Today's Russia".

References

Abbott A. (2001) *Time Matters*. Chicago: Chicago University Press.

- Archer M. (2007) *Making our Way through the World: Human Reflexivity and Social Mobility*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bauman Z. (2013) *Liquid Modernity*. New York: John Wiley & Sons.
- Beck U. (2000) *Obchestvo riska: na puti k drugomu modernu* [Risk society: Towards a new modernity]. Moscow: Progress-Tradition (in Russian).
- Beck U. (2007) Beyond Class and Nation: Reframing Social Inequalities in a Globalizing World. *The British Journal of Sociology*, 58(2): 679–705.
- Belsky D.W., Domingue B.W., Wedow R., Arseneault L., Boardman J.D., Caspi A., Moffitt T.E. (2018) *Genetic analysis of social-class mobility in five longitudinal studies*. Proceedings of the National Academy of Sciences.
- Blau P.M., Duncan O.D. (1967) *The American occupational structure*. New York: John Wiley & Sons.
- Boyd R., Holton R. (2017) Technology, Innovation, Employment and Power: Does Robotics and Artificial Intelligence Really Mean Social Transformation? *Journal of Sociology*, 54(3), 331–345.
- Bertaux D., Thompson P. (2017) *Pathways to Social Class: A Qualitative Approach to Social Mobility*. New York: Routledge.
- Bourdieu P. (1973) *Cultural Reproduction and Social Reproduction*. London: Tavistock.
- Braidotti R. (2013) *The Posthuman*. Hoboken: John Wiley & Sons.
- Bukodi E., Goldthorpe J.H. (2012) Decomposing 'social origins': The effects of parents' class, status, and education on the educational attainment of their children. *European Sociological Review*, 29(5): 1024–1039.
- Büscher M., Sheller M., Tyfield D. (2016) Mobility intersections: social research, social futures. *Mobilities*, 11(4): 485–497.
- Carling J., Menjivar C., Schmalzbauer L. (2012) Central themes in the study of transnational parenthood. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 38(2): 191–217.
- Chan T.W. (2017) Social mobility and the well-being of individuals. *The British Journal of Sociology*, 69(1): 183–206.
- Ciobanu R.O. (2015) Multiple migration flows of Romanians. *Mobilities*, 10(3): 466–485.
- Connelly R., Playford C.J., Gayle V., Dibben C. (2016) The Role of Administrative Data in the Big Data Revolution in Social Science Research. *Social Science Research*, 59: 1–12.
- Clark G. (2014) *The son also rises: Surnames and the history of social mobility*. Princeton: Princeton University Press.
- Connelly R., Playford C.J., Gayle V., Dibben C. (2016) The Role of Administrative Data in the Big Data Revolution in Social Science Research. *Social Science Research*, 59: 1–12.
- Damjanov K., Crouch D. (2018) Extra-planetary mobilities and the media prospects of virtual space tourism. *Mobilities*, 13(1): 1–13.
- Featherman D.L., Hauser R.M. (1978) *Opportunity and Change*. New York: Academic Press.
- Friedman S. (2014) The Price of the Ticket: Rethinking the Experience of Social Mobility. *Sociology*, 48(2): 352–368.
- Giddens E., Birdsall K. (2005) *Sotsiologiya* [Sociology]. Moscow: Editorial URSS (in Russian).
- Giddens A., Sutton P. (2017) *Essential concepts in Sociology*. New York: John Wiley & Sons.

Golder S.A., Macy M.W. (2014) Digital Footprints: Opportunities and Challenges for Online Social Research. *Annual Review of Sociology*, 40: 129–152.

Goldthorpe J.H. (1982), On the Service Class, its Formation and Future. In Giddens A., Mackenzie G. (eds.) *Social Class and the Division of Labour*. Cambridge: Cambridge University Press: 162–185.

Goldthorpe J.H. (2016) Social class mobility in modern Britain: Changing structure, constant process. *Journal of the British Academy*, 4: 89–111.

Guba K. Bolshye dannye v sotsiologii: Novye dannye: Novaya Sotsiologia? [Big Data in Sociology: New Data, New Sociology?]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 17(1): 213–236 (in Russian).

Jensen A. (2011) Mobility, Space and Power: On the Multiplicities of Seeing Mobility. *Mobilities*, 6(2): 255–271.

Kharlamov N.A. (2012) Novoe obshestvo ili novaya nauka ob obshestve? [New society or new social science?] In Urry J. *Mobilnosti* [Mobilities]. M.: Praxis: 7–58 (in Russian).

King G. (2009) The Changing Evidence Base of Social Science Research. In King G., Scholzman K., Nie N. (eds.) *The Future of Political Science: 100 Perspectives*. London: Routledge: 91–93.

Latour B. (2005) *Reassembling the social: An introduction to actor-network-theory*. Oxford: Oxford university press.

Law J. (2000) *Objects, spaces and others*. Working papers of Lancaster University.

Lipset S.M., Bendix R. (1991) *Social mobility in industrial society*. New Brunswick: Transaction Publishers.

Murray C. (2012) *Coming Apart: The State of White America, 1960–2010*. New York: Crown Forum.

Ludwig J., Miller D.L. (2007) Does Head Start improve children's life chances? Evidence from a regression discontinuity design. *The Quarterly journal of economics*, 122(1): 159–208.

O'Neil A., Sojo V., Fileborn B., Scovelle A., Milner A. (2018). The #MeToo movement: an opportunity in public health? *The Lancet*, 391(10140): 2587–2589.

Savage M., Burrows R. (2007). The Coming Crisis of Empirical Sociology. *Sociology*, 41(5): 885–899.

Savage M., Devine F., Cunningham N., Taylor M., Li Y., Hjellbrekke J., Miles A. (2013) A new model of social class? Findings from the BBC's Great British Class Survey experiment. *Sociology*, 47(2): 219–250.

Savage M. (2015) Clark Gregory, The Son Also Rises. Surnames and the History of Social Mobility. With N. Cummins, Yu Hao and D. Diaz. *International Review of Social History* 2015, 60 (1): 111–113.

Sheller M., Urry J. (2006) The new mobilities paradigm. *Environment and planning*, 38(2): 207–226.

Schutze F. (2014). Autobiographical Accounts of War Experiences. An Outline for the Analysis of Topically Focused Autobiographical Texts—Using the Example of the Robert Rasmus Account in Studs Terkel's Book, 'The Good War'. *Qualitative Sociology Review*, 10(1): 224–283.

Sorokin P. (1959) *Social and Cultural Mobility*. Glencoe, IL: Free Press.

Stjernborg V., Tesfahuney M., Wretstrand A. (2015) Everyday Life Mobilities of Older Persons — A Case Study of Ageing in a Suburban Landscape in Sweden. *Mobilities*, 10(3): 383–401.

Volodin A.Y. (2017) Chto v imeni tebe moem? Uroki sotsial'noi mobil'nosti, sudya [What is in my name? Lessons of social mobility, judging by surnames] *Ekonomicheskaja istoriya* [Economic history], 1: 112–114 (in Russian).

Veselkova N.V. (2011) Novye issledovaniya mobilnosti: sovpadayushie i nesovpadayushie potoki I sotsial'naya kompetentnost' [New mobility studies: coinciding and mismatched flows and social competence]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 14(3): 50–66 (in Russian).

Philippov A.F. (2009) Prikladnaya sotsiologiya prostranstva [Applied sociology of space]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], 8(3): 3–15 (in Russian).

Philippov A.F. (2012) Paradoxalnaya mobilnost' [Paradoxical mobility]. *Otechestvennye zapiski* [Domestic notes], 1, 50(5): 22–23 (in Russian).

Pokrovsky N.E. (2003) V zerkale globalizatsii [In the mirror of globalization]. *Otechestvennye zapiski* [Domestic notes], 9(1): 51–65 (in Russian).

Shkaratan O.I., Yastrebov G.A. (2007) *Sotsial'no-professional'naya struktura i ee vosпроизводство v sovremennoj Rossii* [Socio-professional structure and its reproduction in modern Russia]. Moscow: GU HSE (in Russian).

Shkaratan O.I. (2011) Ozhidaniya i real'nost'. Sotsial'naya mobilnost' v kontexte problemy zhiznennykh shansov [Expectations and reality. Social mobility in the context of the problem of equality of chances]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and the Present], (1): 5–24 (in Russian).

Semenova V.V., Chernysh M.F., Sushko P.E. (2019) *Sotsialnaya mobilnost' v uslozhnyaushemsya obshestve: objektivnye i subjektivnye aspekty* [Social Mobility in Complicated Society: objective and subjective aspects] Moscow: FCTAS RAS (in Russian).

Sorokin P.A. (1992). *Chelovek, Tsvivilizatsia, Obshchestvo* [Human being. Civilization. Society]. Moscow: Politizdat (in Russian).

Stjernborg V., Tesfahuney M., Wretstrand A. (2015). Everyday Life Mobilities of Older Persons — A Case Study of Ageing in a Suburban Landscape in Sweden. *Mobilities*, 10(3): 383–401.

Strelnikova A.V. (2015) Prostranstvennye proyeksii sotsialnoy mobilnosti: pereezdy kak dominantnyye sobitiya biographicheskogo narrativa [Spatial projections of social mobility: crossings as dominant events of the biographical narrative]. *INTER*, 1(10): 39–46 (in Russian).

Temkina A.A., Zdravomyslova E.A. (2017) Interseksional'nyy povorot v gendernykh issledovaniyakh [Intersectional Turn in Gender Studies]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 20(5): 15– 38 (in Russian).

Urry J. (2012) *Mobilnosti* [Mobilities]. Moscow: Praxis (in Russian).

Urry J. (2016) *What is the Future?* New York: John Wiley & Sons.

Zaporozhets O.N. (2017) Mobilnye metodi: issledovanie jizni v dvizhenii. *Sociologica: metodologia, metodi, matematicheskoe modelirovanie* [Mobile methods: the research of life in motion], (44): 37–72 (in Russian).